

Л. В. Крошкина

«Всякий пред всеми за всех и за всё виноват»¹? Вина и ответственность в русской культуре

В статье рассматривается отношение к вопросам вины и ответственности в русской культуре XIX и XX вв., а также трансформация этих вопросов в современности. Контекст интереса к данной теме — столетие русской революции и осмысление путей выхода из антропологической катастрофы XX в. В качестве базовой русской идеи в статье рассматривается мысль Ф. М. Достоевского о вине всех за всех, ее развитие и отголоски у других авторов, церковных и общественных деятелей.

ключевые слова: вина, ответственность, покаяние, Достоевский, русская культура, культура вины.

Вопрос вины — один из ключевых в русской культуре. Столетний юбилей революции в России побудил многих авторов к размышлению над путями преодоления произошедшей катастрофы, тема вины может указать необходимый вектор для выхода из нее. Вопрос вины за других тесно связан с вопросом ответственности и всенародного покаяния. А. И. Солженицын, посвятивший в 1973 г. теме покаяния отдельную статью, утверждает, что Россия «богата была движениями раскаяния», которое, по мнению писателя, является одной из «ведущих русских национальных черт» [Солженицын, 125].

В связи со столетием революции в России в средствах массовой информации темам вины и покаяния в последние два года было посвящено немало публикаций. Во многих из них прозвучали безапелляционные заявления, что никакого народного, национального, да и вообще не индивидуального покаяния в нашем народе быть не может, что тема вины за других не является специфической для русской культуры.

В ноябре 2016 г. вышла статья Анастасии Мироновой о деле Дениса Карагодина под названием «Виноваты не все», в которой вопрос вины и народного покаяния по существу снимается:

1. [Достоевский 1976, 262].

...В нашей стране не было ни одного случая массового покаяния или коллективного раскаяния хотя бы одной группы лиц. Этого нет в нашей культуре. <...> ...Так как каяться русские не умеют, никакого российского Института национальной памяти в ближайшие десятилетия не будет. Вместо него потомки палачей продолжают убеждать нас, будто все мы виноваты [Миронова].

Высказывания прот. Александра Ильяшенко в интервью «Когда покаяние абсурдно» свидетельствуют о том, что представление о всеобщей вине присутствует в народе:

Почему мы все время играем в одни ворота, пытаясь сообщить всему миру, что мы самые жестокие, и мир с удовольствием подхватывает это? [Головка].

Священник Кирилл Каледа, настоятель храма Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове, выражает недоумение по поводу самой идеи вины и покаяния за других: «каяться за грех другого человека — странное предложение» [Каледа].

Отрицание возможности покаяния народа прозвучало в специальном опросе представителей Русской православной церкви после объявления Преображенским братством Акции национального покаяния (см.: URL: <https://psmb.ru/collections/aktsiia-natsional-nogho-rokaianiia.html> (дата обращения: 02.11.2018)). Идея взятия чужой вины, т. е. покаяния за других, была названа нецерковной:

Призывы сделать этот год временем «всенародного» или «соборного покаяния» не имеют ничего общего с церковной практикой и являются популистскими [РИА новости].

Признание прот. Владимиром Вигилянским исторических фактов, что «в прежние времена на Руси, порой, случались так называемые совместные покаяния», не убеждает современного представителя церкви в том, «соборное покаяние» церковно («покаяние — это личное, индивидуальное таинство») [РИА новости].

Такое активное, иногда нелогичное отрицание темы всенародного покаяния свидетельствует о том, что тема для современного общества является актуальной и болезной.

О. А. Седакова, поэт и мыслитель, также высказалась против того, чтобы каяться за других, так как «это неправдиво»: «тот, кто родился после всех откровенных злодейств, не должен за это каяться» [Седакова].

Ключевым в непринятии соборного покаяния является вопрос вины. Многим представляется возможным взять ответственность (но не вину!) за то или иное действие другого человека. Апелляция к мысли Ф. М. Достоевского о вине всех за всех, которая стала одним из самых известных русских ответов, для многих современников оказывается неприемлемой. Рассмотрим высказывание (*формулу*) писателя, его смысл, основания, рецепцию и дальнейшую трансформацию в русской культуре.

Понятие вины

В Толковом словаре В. И. Даля, современника Достоевского, слово *вина* означает: «начало, причина, источник, повод, предлог» [*Толковый словарь, 180*]. Таким образом, можно различить вину и проступок, ее выражающий. Вина по отношению к греховному, злему поступку, преступлению, относится как внутреннее к внешнему. Грех — следствие, вина — причина. Вина — корень, грех — ветви. В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона также подчеркивается это «внутреннее» значение вины:

Она заключается во внутреннем отношении дееспособного субъекта к совершаемому им деянию. Вина образует так называемый внутренний состав деяния, за которое субъект или виновник подлежит ответственности. Как внутренний психологический элемент деяния, вина противопоставляется самому действию, вызвавшему известное изменение во внешнем мире, имевшему известные последствия — элементу внешнему, физическому [*Энциклопедический словарь, 401*].

О том же различии вины и поступка говорит С. С. Аверинцев:

...Наша вина не только в том, что мы тогда-то сделали такой-то ужасный грех, нарушили такие-то правила, а что мы не такие. Мы не такие должны быть... [*Аверинцев 2003*].

Формула Достоевского

Всем известная мысль Ф. М. Достоевского, что всякий за всякого виноват, существует в разных вариантах и звучит из уст разных героев романа «Братья Карамазовы»: покаявшегося безбожника Маркела, таинственного незнакомца и самого старца Зосимы.

Вариации на тему этой мысли присутствуют в дневнике писателя за 1873 год.

Приведем три редакции *формулы*:

- Краткая: «Воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват» (слова Маркела) [*Достоевский 1976, 262*].
- Средняя: «всякий человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов» (слова таинственного посетителя) [*Достоевский 1976, 275*].
- Полная: «ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле. Сие сознание есть венец пути иноческого, да и всякого на земле человека» (слова старца Зосимы) [*Достоевский 1976, 148*].

Сам роман центрируется идеей взаимной виновности. Все персонажи со-виновны друг другу: Дмитрий, осужденный за отцеубийство, которое совершил Смердяков, берет вину и ее последствия на себя. Смердяков совершает убийство по подсказке Ивана, который несет вину не только за убийство отца, но и за самоубийство Смердякова. Таким образом выстраивается судьба каждого персонажа.

В основании со-виновности лежит идея-отношение к падшим как несчастным, а к преступлениям как к несчастьям, выражающаяся в речи народа: преступление было принято называть несчастьем, преступника — несчастным. Ф. М. Достоевский считает эту идею чисто русской, по происхождению христианской, основополагающей в жизни народа:

Есть идеи невысказанные... таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат лишь бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, — до тех пор только и может жить сильнейшего живою жизнью народ [*Достоевский 1980, 17*].

Следствием этой идеи является признание, что мы «наполовину виноваты» в преступлении, потому что

...Если бы мы все были лучше, то и он (преступник. — Л. К.) бы был лучше и не стоял бы теперь перед нами. <...> Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте — может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам [*Достоевский 1980, 15, 17*].

Однако такое отношение к падшим, по мнению Ф. М. Достоевского, не должно вести к оправданию преступления и преступника, зло должно быть названо злом, преступник — понести наказание. Вину писатель соотносит с болью, которую возможно и нужно разделить с преступником. Разделить боль — разделить наказание.

...Именно тут-то и надо сказать правду и зло назвать злом; но зато половину тяготы приговора взять на себя. Войдем в залу суда с мыслью, что и мы виноваты. Эта боль сердечная, которой все теперь так боятся и с которой мы выйдем из залы суда, и будет для нас наказанием. Если истинна и сильна эта боль, то она нас очистит и сделает лучшими. Ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправлять. А так-то бежать от собственной жалости и, чтобы не страдать самому, сплошь оправдывать — ведь это легко. Ведь этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем «среда виновата» [*Достоевский 1980, 15–16*].

Особая роль принадлежит судье. Судья — тот, кто более всех чувствует, что «прежде всех и виноват» и только при этом условии он сможет стать судьей, несмотря на внешнее противоречие его положения. Судья первый осознает свою вину, что если бы он был сам праведен, то и преступника бы не было. *Такой* судья имеет силу прощать:

Если можешь принять на себя преступление стоящего пред тобою и судимого сердцем твоим преступника, то немедленно прими и пострадай за него сам, его же без укора отпусти. И даже если б и самый закон поставил тебя его судиею, то сколь лишь возможно будет тебе, сотвори и тогда в духе сем, ибо уйдет и осудит себя сам еще горше суда твоего. Если же отойдет с целованием твоим бесчувственный и смеясь над тобою же, то не соблазняйся и сим: значит, срок его еще не пришел, но придет в свое время; а не придет, все равно: не он, так другой за него познает, и пострадает, и осудит, и обвинит себя сам, и правда будет восполнена. Верь сему, несомненно верь, ибо в сем самом и лежит все упование и вся вера святых [*Достоевский 1976, 291*].

Мысль Достоевского о совиновности всем и вся восходит к самому центру евангельского благовестия — второй евангельской заповеди — «возлюби ближнего твоего, как самого себя»^{*1} (здесь и далее цитаты из Священного писания приводятся в синодальном переводе. — Л. К.). По мнению матери Марии (Скобцовой),

*1 Мф 22:39

особое понимание и чувствование этой заповеди — характерный дар русской мысли. Мать Мария в своем творчестве, особенно — в своих агиографических произведениях продолжила идеи, высказанные Ф. М. Достоевским.

В житии Иоанникия Великого она рисует встречу святого с позавидовавшим ему Епифанием, который в результате обличающего слова исполнился злобой и замыслил погубить подвижника (поджег сухую траву на горе). Реакция Иоанникия на это злодеяние выражена в духе формулы Достоевского:

...Он подумал, что ввел Епифания в великий соблазн. И тогда показалось ему, что не Епифаний совершил грех, покусившись на жизнь человеческую в злобе, а он, — соблазненный его, — этот грех на свою душу принял [*Мать Мария 2004а, 15*].

Разыскав своего врага, Иоанникий не мстит, а просит прощения:

...Позволь мне, брат Епифаний, и твою долю вины взять на свои плечи, и ответить за нее перед Господом, прося Его именем той тяжести, которую ты поднял, совершая грех, отпустить мне и мою тяжесть — тяжесть человека, соблазнившего тебя на этот грех [*Мать Мария 2004а, 15*].

«Доля вины» дает возможность иноку подняться на новую ступень духовного восхождения, — обрести дар молитвы за весь мир.

Характерно, что взаимная виновность, описанная как настоящее откровение в романе Достоевского, приносит его героям не печаль-тоску или подавленность, а райское веселье, опыт благодати: «одного дня довольно человеку, чтобы все счастье узнать» [*Достоевский 1976, 262*]. Это сопоставимо с древними аскетическими поучениями. Например, авва Дорофей говорил:

...Если мы во всем, что с нами ни случается, считаем виновными самих себя, а не других, то это приносит нам много добра и доставляет великое спокойствие и преуспеяние... [*Авва Дорофей, 124*].

Добровольная со-виновность основана на экзистенциальном опыте изначальной общности человечества, сопричастности всех всем, подобно частям живого организма, в котором все взаимосвязаны друг с другом. А. С. Хомяков называл такую взаимосвязь,

основанную на Христовой любви, соборностью (единством в многообразии), «неосуществимой в индивидуальной замкнутости и отрешенности» [*Мать Мария 2004б, 284*]. Со-виновность как христианское трепетное, соборное (т. е. основанное на взаимном проникновении и общности всех со всеми), неотъединенное отношение к Богу, миру и ближнему — это не отвлеченная идея, так как она известна любому человеку, знающему *узлы любви*, не только освобождающие, но и связывающие любящих друг с другом. Наиболее приемлем и понятен в этом ключе образ Церкви как Тела, в котором все органы тесно взаимосвязаны друг с другом: «...Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены»^{*1}.

*1 1 Кор 12:26

Антипод добровольной со-виновности — принуждение к принятию коллективной вины, ее признание через насилие. Сталинский террор, как и любая тоталитарная система, основан на презумпции виновности — извращенном понимании, что *всякий* всегда виноват.

Уместно вспомнить Карла Ясперса и его рассуждения о виновности, рожденные после краха гитлеровской Германии. Ясперс различает уголовную, политическую, моральную и метафизическую виновность, каждой из которых соответствует та или иная инстанция — судья-обвинитель. Метафизическая виновность, по сути, выражает то же, что и формула Достоевского, так как основывается на абсолютной солидарности человека с человеком.

Есть такая солидарность между людьми как таковыми, которая делает каждого тоже ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю, что могу, чтобы предотвратить их, я тоже виновен. Если я не рискнул своей жизнью, чтобы предотвратить убийство других, но при этом присутствовал, я чувствую себя виноватым таким образом, что никакие юридические, политические и моральные объяснения тут не подходят. То, что я продолжаю жить, когда такое случилось, ложится на меня неизгладимой виной [*Ясперс, 19*].

К. Ясперс дистанцируется от понятия коллективной виновности, но предлагает понятие *всеобщей* виновности, укорененной в экзистенции человека. Существо жизни человека, по Ясперсу, заключается в изначальной безусловной данности или жить вместе, или совсем никак не жить, если по отношению к кому-либо творится зло. Но так как это исполнимо только в тесных сообще-

ствах, человеку (человечеству) приходится жить и мириться с несправедливостью по отношению к ближнему, со злом и преступлением, в чем он неизбежно и всегда виновен, — в этом и состоит наша всеобщая виновность².

Принятие всеобщей метафизической вины ведет к изменению самосознания человека пред Богом и обретению новых созидательных сил:

Гордость оказывается сломлена. Это самоизменение через внутреннюю работу может привести к новому началу активной жизни, но связано с неизгладимым сознанием виновности, со смирением перед Богом, которое погружает всякую деятельность в такую атмосферу, где гордыни не может быть [Ясперс, 23–24].

Культура вины

Культура вины (или совести)³, по мнению С. С. Аверинцева, восходящая к христианству, принимается не всеми народами, в которых идея виновности «либо есть, либо ее нет» [Аверинцев 2005, 391]. С. С. Аверинцев уверен, что будущее европейской традиции свободы возможно только при условии ее связи с культурой вины. Именно в такой культуре возможна фигура народного обвинителя, соотносимого с образом судьи, описанного выше у Достоевского.

Народный обвинитель — не надменно стоящий сверху иерарх, который обвиняет как бы извне, но — ответственный за настоящие и прошлые деяния народа, готовый первым понести за них наказание. Моисей обвинял свой народ пред Богом, но и был готов принять наказание за него:

И возвратился Моисей к Господу и сказал: о, народ сей сделал великий грех: сделал себе золотого бога; прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал^{*1}.

*1 Исх 32:31–32

2. Русский перевод этого места несколько затемнен. Приводим текст оригинала: *“Daß irgendwo zwischen Menschen das Unbedingte gilt, nur gemeinsam oder gar nicht leben zu können, falls dem einen oder anderen Verbrechen angetan werden, oder falls es sich um die Teilung physischer Lebensbedingungen handelt, das macht die Substanz ihres Wesens aus. Aber daß dies nicht in der Solidarität aller Menschen, nicht der Staatsbürger, nicht einmal kleinerer Gruppen liegt, sondern*

auf engste menschliche Verbindung beschränkt bleibt, das macht diese Schuld von uns allen” [Jaspers, 32].

3. Классификация Рут Бенедикт делит нации на те, которым присуще размышлять о своей ответственности за преступления прошлого и исповедовать их перед другими (культура вины), и нации, для которых характерно *сохранять лицо*, скрывая свои проступки (культура стыда) [Benedict].

*¹ Рим 9:3

Апостол Павел, обличая иудеев, желал «быть отлученным от Христа за братьев... по плоти» *¹.

В русской истории нового времени А. С. Хомяков был одним из первых народных обвинителей. Его стихотворение «Не говорите: “То былое...”», обращенное к образованному обществу, возвещает вину русского народа и призывает к покаянию за грехи отцов. В нем ясно можно различить вину (мертвенность сердец к любви и отречение от «всей святости... стороны родной» — т. е. веры) и проступки (войны, коварства, убийства, разврат, кумиротворение и др.). Но главный посыл — призыв к покаянному плачу, в котором голос поэта первый:

Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил! [Хомяков, 239].

Народным обвинителем был А. И. Солженицын, который свидетельствовал, насколько эта роль тяжела и самообличительна:

...Тот, кто взялся выразить раскаяние национальное, всегда будет подвергаться веским отговорам, укорам, предостережениям: как бы не опозорить свою страну, как бы не дать пищу ее врагам [Солженицын, 123].

Народному обвинителю, по слову С. С. Аверинцева, приходится «как бы все время быть виноватым на обе стороны» [Аверинцев 2000, 416].

Успех народного обвинителя связан с уровнем самосознания и свободы тех, к кому обращено обвинение, кто ответственен не только за себя (пусть в самом минимальном масштабе). Чувство вины за всех — следствие такой ответственности. Оно присуще благородным, оно противоположно обиженности как следствию эгоцентризма. Виноват тот, кому больше дано:

В зле мира, увы, участвуют и верующие, и неверующие, но спросится не сравнимо строже с нас, верующих. В зле мира вина лежит на нас [Аверинцев 2007, 97].

Культура вины — глубоко аристократичная культура, основанная на высоком уровне самосознания. Ответственность, ведущая к пониманию, что если где-то беспорядок, то это в первую очередь моя вина, воспитывается поколениями. Н. А. Бердяев считает чувство вины критерием духовного благородства:

Не аристократична всякая психология обиды, всякая психология претензии. <...> ...Аристократична психология вины, вины свободных детей Божьих. Аристократу более свойственно чувствовать себя виновным, чем обиженным. <...> Аристократ, благородный должен чувствовать, что все, что возвышает его, получено от Бога, а все, что унижает его, есть результат его вины [Бердяев, 141].

Речь идет не о происхождении, а о принадлежности к тому или иному душевному типу или, в формулировке Н. А. Бердяева, «душевной расе» [Бердяев, 141].

Культура вины неустойчива, легко извращается либо в комплекс вины (проблема русской интеллигенции), либо в тотальное насилие коллективной виновностью, ведущей к навязанному принятию несуществующей вины (практика сталинского террора), либо в отказ от вины и противопоставление ее ответственности (готовность принять ответственность, но не вину).

Противопоставление вины и ответственности нередко можно встретить в современных дискуссиях, что свидетельствует о трансформации отношения к понятию вины как причины. Словарь Брокгауза называет вину «необходимым условием ответственности» [Энциклопедический словарь, 401]. Также внятно (и созвучно Ф. М. Достоевскому) в контексте катаклизмов XX в. о неотъемлемости вины и ответственности писал немецкий богослов Д. Бонхеффер:

...Каждый ответственно действующий человек становится виновным. Кто желает для себя в ответственности избежать вины, тот отделяется от последней действительности человеческого существования [Бонхеффер, 282].

С. С. Аверинцев, размышляя над послереволюционной поэзией Вячеслава Иванова, говорит о вине культуры:

Это именно «наша» вина, от которой нельзя откреститься и отгородиться, вина культуры, каковая давно уже тайно и явно живет разрушением традиционной нормы, вина мыслящей и мечтающей головы, что получает заслуженное наказание от грубой силы, явившейся на деле исполнить ее бессознательный приказ [Аверинцев 2001, 96].

Разрушение традиционной нормы в нашем случае заключается в отказе от культуры вины.

Культура вины предполагает правдивое видение *действительной* своей вины и знание ее в деталях, иначе есть опасность движения по кругу в бесплодности раскаяния. Об этом говорит Зинаида Гиппиус в одном из стихотворений 1920 г.:

И пусть вины своей не знаем,
Она в тебе, она во мне;
И мы горим и не сгораем
В неочищающем огне [Гиппиус, 257].

Исповедание *действительной* вины всегда приносит добрый плод. В русской литературе XIX в., не только в творчестве Ф. М. Достоевского, есть представление о том, что видение своей вины в поступке другого приносит человеку не порабощение, но освобождение. Особенно отчетливо это показывает И. А. Гончаров в романе «Обрыв». Бабушка Татьяна Марковна (которая всегда трактовалась в критике как образ России) в греховном поступке внучки Веры опознает свой грех, просит за него прощение, что дает взаимное очищение и пробуждает в девушке новые жизненные силы.

Прости меня, Вера, прежде ты. Тогда и я могу простить тебя... <...> Я погубила тебя своим грехом...

— Ты спасаешь меня, бабушка... от отчаяния...

— И себя тоже, Вера. Бог простит нас, но он требует очищения! Я думала, грех мой забыт, прощен. Я молчала и казалась праведной людям: неправда! Я была — как «окрашенный гроб» среди вас, а внутри тайлся неомытый грех! Вот он где вышел наружу — в твоём грехе! Бог покарал меня в нём... Прости же меня от сердца...

<...>

...Вере становилось тепло в груди, легче на сердце. Она внутренне вставляла на ноги, будто пробуждалась от сна, чувствуя, что в нее льется волнами опять жизнь...

<...>

Да, бабушка взяла ее неудобноносимое горе на свои старые плечи, стерла своей виной ее вину и не сочла последнюю за «потерю чести».

...Стало быть, ей, Вере, надо быть бабушкой в свою очередь, отдать всю жизнь другим...

<...>

Ей на душе становилось свободнее, как преступнику, которому расковали руки и ноги [Гончаров, 687–689].

Свидетельства XX века

Первая половина XX в. оставила множество исторических свидетельств как о том, что идея всеобщей виновности была присуща лучшим представителям народа, так и о *плодотворном* ее действии. Приведем несколько примеров.

Патриарх Тихон сразу после Октябрьского переворота, призывая верующих к покаянию, настаивал на принятии всеобщей вины:

Все виновны! Виновны не только в личных грехах, виновны в грехах общественных, виновны за родину, виновны за церковь, виновны за дело Христово на земле! Проснись, православный народ, и принеси покаяние в меру глубины твоего тягчайшего падения! [*Обращение, 378*].

А. А. Ершова, писатель, педагог и просветитель, в своих воспоминаниях 1920 г. свидетельствует об остром переживании своей вины в заполняющем мир зле:

Среди ада крошечного этой минувшей ночи я чувствовала безграничное сострадание ко всем: к беспомощным жертвам и жестоким палачам, к немногим драгоценным хорошим людям... Я чувствовала еще, что все виноваты во зле, заполняющем мир, и я тоже виновата, как и все, и должна безгранично каяться в своей греховности, в суетности, в слабости, эгоизме, гордости [*Ершова, 32*].

Русский старец Силуан, закончивший свой подвижнический путь на горе Афон и не принимавший прямого участия в мировых катастрофах XX в., говорит о влиянии принятия вины и ответственности за общий грех на судьбы мира:

Так всякий раз, когда мы отрекаемся от несения вины за общее зло, за дела ближних своих, мы повторяем тот же грех и также разбиваем единство Человека. Господь спросил Адама прежде Евы. И нужно думать, что если бы он не оправдывался, но взял бы на себя ответственность за их общий грех, то иными были бы судьбы мира, как изменятся они, если и мы будем брать на себя тяготу вины ближних.

<...>

Но странно, такой образ действия, т. е. принятие на себя вины и прошение прощения, представляется многим как раз чем-то рабским [*Софроний, 132–133*].

Архимандрит Сергей (Савельев), исповедник веры, призывает всех верующих осознать свою вину, потому что только через это проясняются будущие пути жизни:

...Все мы будем повинны в том, что пережив так много испытаний и уже познав теперь, как ужасна жизнь в условиях неправды, допустили в своей жизни что-то такое темное, что нас разъединяет.

<...>

Каждый человек повинен. В разной мере — один больше, другой меньше, но всем нам нужно сознавать эту вину. Вина за горькое положение нашей церковной жизни лежит на каждом из нас.

Нам нужно помнить: когда есть беспорядок в жизни, тогда прежде всего нужно искать вину в самом себе. И когда почувствуешь эту вину, осознаешь ее, тогда и путь жизни проясняется [Савельев, 7, 9].

В фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние», который стал символом в эпоху падения советской идеологии, есть знаменательный диалог отца с сыном:

Сын: Да, я стрелял, и это усугубляет нашу вину.

Отец: Какую вину?

Сын: Дедушки, мою и твою.

Отец: А меня в чем ты винишь?

Сын: В том, что ты оправдываешь дедушку и идешь по его стопам. Ты убийца, как и я, и даже хуже, потому что тебе не жаль эту женщину.

Отец: Кого я должен жалеть, ты рехнулся?

Сын: Ты готов придушить ее, а не просить прощения.

Отец: Оказывается, ты еще и идиот! ... (пауза и взгляд сына). Она выкапывает отца из могилы, а я должен у нее прощения просить? Да я ее задушу, и тебя в придачу, если не образумишься.

Данный диалог и его продолжение показывают глубинную связь принятия/непринятия вины с дальнейшей судьбой персонажей. Принятие вины связано с жалостью, болью (вспомним связь боли и вины у Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова) и, напротив, отказ от вины ведет к ожесточению. Отец не признает своей вины в грехах деда, поэтому сюжет развивается трагически: его сын кончает с собой (стреляется из ружья, подаренного дедушкой, тем самым становясь еще одной его жертвой), сам отец в отчаянии выбрасывает труп деда на съедение птицам. У героев нет будущего. Через образ старушки, ищущей дорогу к храму

(храм в фильме, безусловно, — символ покаяния), автор фильма указывает пути выхода из сложившегося тупика истории.

Таким образом, мысль Ф. М. Достоевского о вине каждого за каждого — ключевая не только для русской культуры, но и для всей христианской культуры в целом. В ней выражены евангельские основания соборного существования человека и его изначального дара — жить вместе. В современной России резко отрицательное, иногда агрессивное отношение к идее совиновности, — с одной стороны, свидетельствует о том, что эта идея до сих пор присутствует в народе, с другой, — характеризует трансформацию культуры, меняющую свои основания. Представления о вине в русской литературе и мысли XIX и XX вв. не имеют ничего общего с *комплексом вины*, подавляющим человека и его будущее. Напротив, признание своей вины в проступках других людей, оказывает действие проясняющее, творческое, пробуждающее новые жизненные силы. Вина — причина поступков и поведения. Культура вины требует высокого уровня самосознания: важно увидеть действительную (непридуманную) вину как причину личной отъединенности, имеющую прямое отношение к отказу от человечности. Вина должна быть обличена, грех должен быть исповедан, вынесен на свет не для того, чтобы заявить о нем, но чтобы сознательно отказаться от него, чтобы он перестал приносить худые плоды в будущем⁴. Признание вины требует публичности, так как она всегда является разрушением единства людей. Исполнить эту глубоко внутреннюю задачу под силу тем, кто готов брать ответственность не только за себя, а значит и самую тяжелую вину, что дает надежду, что покаяние будет действенным. Однако до конца вину в человеке и человечестве невозможно изжить. Как бы правдиво не совершалось покаяние, — человек и народ будут нуждаться в новом обличении и признании, что всякий за всякого виноват. Неустойчивое равновесие ежедневного признания вины и отречения от ее следствий, проступков, позволяет сломить собственную гордость и дает надежду на непрестанное обновление и возрождение народа.

4. Бабушка в романе И. А. Гончарова «Обрыв» спустя годы понимает, что неисповеданный грех не теряет своего пагубного действия: «...Если б я знала, что этот гром ударит когда-нибудь в другую... в мое дитя, — я бы тогда же на площади, перед собором, в толпе народа исповедала свой грех!» [Гончаров, 686].

Источники и литература

1. *Авва Дорофей* = Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. М. : Благовест, 2010. 416 с.
2. *Аверинцев 2000* = Аверинцев С. С. Словарь против «лжи в алфавитном порядке» // София–Логос : Словарь. К. : Дух и Литера, 2000. С. 410–422.
3. *Аверинцев 2001* = Аверинцев С. С. «Скворешниц вольных граждан...» : Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб. : Алетейя, 2001. 167 с.
4. *Аверинцев 2003* = Аверинцев С. С. Ветхий и Новый (из ответов на вопросы) // Дикое поле : Интеллектуально-художественный журнал. 2003. № 3. URL: http://www.dikoepole.org/numbers_journal.php?id_txt=116 (дата обращения: 06.08.2017).
5. *Аверинцев 2005* = Аверинцев С. С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации // Он же. Собр. соч. под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Связь времен. Киев : Дух и Литера, 2005. С. 386–397.
6. *Аверинцев 2007* = Аверинцев С. С. Духовные слова. М. : СФИ, 2007. 232 с.
7. *Бердяев* = Бердяев Н. А. Философия неравенства / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
8. *Бонхеффер* = Бонхеффер Д. Этика / Пер. с нем. М. : ББИ, 2013. XXXIV, 501 с.
9. *Гиппиус* = Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 1999. 592 с.
10. *Головко* = Головко О. Когда покаяние абсурдно : [Интервью с прот. Александром Ильяшенко]. URL: <http://www.pravmir.ru/absurdnoe-pokayanie/> (дата обращения: 10.11.2017).
11. *Гончаров* = Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем : В 20 т. Т. 7 : Обрыв : Роман : В 5 ч. СПб. : Наука, 2004. 776 с.
12. *Достоевский 1976* = Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : В 30 т. Т. 14 : Братья Карамазовы. Л. : Наука, 1976. 512 с.
13. *Достоевский 1980* = Достоевский Ф. М. Дневник писателя : 1973 // Полное собрание сочинений : В 30 т. Т. 21. Л. : Наука, 1980. С. 5–136.
14. *Ершова* = Ершова А. А. В тюрьме в 1920 году : Воспоминания. М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение» ; СФИ, 2017. 136 с.
15. *Каледа* = Каледа Кирилл, прот. Каяться по-русски: рваная рубашка и разбитый лоб. URL: <https://www.pravmir.ru/nuzhno-li-kayatsya-russkomu-narodu/> (дата обращения: 15.08.2018).

16. *Мать Мария 2004а* = Кузьмина-Караваева Е. Ю. (Мать Мария). Иоанникий Великий // Жатва духа : Религиозно-философские сочинения. СПб. : Искусство-СПб, 2004. С. 14–19.
17. *Мать Мария 2004б* = Кузьмина-Караваева Е. Ю. (Мать Мария). А. С. Хомяков // Жатва Духа. СПб. : Искусство-СПб, 2004. С. 261–288.
18. *Миронова* = Миронова А. Вины не все. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/10373669.shtml> (дата обращения: 10.11.2017).
19. *Обращение* = Обращение «Великопостный привет читателям» // Православная Москва в 1917–1921 годах : Сборник документов и материалов / Под ред. М. М. Горинова и др. М. : Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2004. С. 377–378.
20. *РИА новости* = В РПЦ назвали популизмом призывы «соборно каяться» к юбилею революции : [РИА новости. 08.11.2016]. URL: <https://ria.ru/religion/20161108/1480896976.html> (дата обращения: 24.08.2018).
21. *Савельев* = Сергей (Савельев), архим. Слово о любви и об ответственности христиан // Православная община. 1998. № 46. С. 4–10.
22. *Седакова* = Седакова О. А. В России происходит обожествление зла и жестокости. URL: <https://philologist.livejournal.com/8919068.html> (дата обращения: 25.08.2018).
23. *Солженицын* = Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение // Изпод глыб : Сборник статей. Paris : YMCA-Press, 1974. С. 114–150.
24. *Софроний* = Софроний (Сахаров), схиархим. Преподобный Силуан Афонский. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. 528 с.
25. *Толковый словарь* = Вина // Толковый словарь живаго великорусского языка В. И. Даля. М. : Общество любителей Российской словесности, 1863. Т. 1. С. 180–181.
26. *Хомяков* = Хомяков А. С. «Не говорите: “То былое...”» // Полное собрание сочинений. Т. 4. М. : Университетская типография, 1900. С. 239.
27. *Энциклопедический словарь* = Вина // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 6 (11) : Венцано — Винона. СПб. : Семеновская типография, 1892. С. 401–402.
28. *Ясперс* = Ясперс К. Вопрос о виновности. М. : Прогресс, 1999. 146 с.
29. *Benedict* = Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword : Patterns of Japanese Culture. Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 1946. 324 p.
30. *Jaspers* = Jaspers K. Die Schuldfrage. Heidelberg : Lambert Schneider, 1946. 112 s.

L. V. Kroshkina

“Is Everyone to Blame for All and for Everything”? Guilt and Responsibility in Russian Culture

The article deals with the attitude to the issues of guilt and responsibility in the Russian culture of the XIX and XX centuries as well as with their transformation in the present. This topic is considered with reference to the centenary of the Russian revolution in terms of comprehending the ways out from the anthropological catastrophe of the XX century. The author takes as the basic Russian idea F.M. Dostoevsky's thought about everyone's guilt for everything and traces its development and echoes in the writings of other authors, churchmen and society figures.

KEYWORDS: guilt, responsibility, repentance, Dostoevsky, Russian culture, culture of guilt.